

МАТЕРИАЛЫ «НЕДЕЛИ НАУКИ-2012»

УДК 340.142+342.722

ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЁННОСТЬ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

Д.А. Александрова

Тверской государственной университет

Целью данной работы выступает определение сущности принципа правовой определенности судебного решения в свете реформирования гражданско-процессуального законодательства. Для достижения поставленной цели автором анализируются различные позиции теоретиков по рассматриваемому вопросу, а также судебная практика Европейского суда по правам человека, Конституционного Суда, Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: *правовая определенность судебного решения, верховенство права, справедливость судебного решения.*

Правовая определенность является одним из основополагающих принципов права. Особое звучание данный принцип приобретает в отношении института судебного решения в гражданском процессе применительно к его пересмотру в порядке надзора.

Результатом деятельности судов по осуществлению правосудия должно выступать внесение определенности в гражданско-правовые отношения. Судебная система должна выполнять стабилизирующую функцию, создавать уверенность в справедливости и объективности правосудия. Только таким путем возможно повышение уровня доверия общества к судебной системе РФ.

Принцип «*res judicata pro veritate habetur*», означающий что «судебное решение должно приниматься за истину», существовал еще в Древнем Риме.

В научной литературе термин «правовая определенность» используется одновременно как принцип недопустимости повторного рассмотрения однажды решенного дела; свойство решения; стабильность судебных решений, вступивших в законную силу; неопровержимость судебного решения¹. Ю.Ю. Берестнев и М.В. Виноградов полностью отождествляют принцип правовой определенности и «*res judicata*»². Некоторые авторы соотносят «*res*

¹ Филатова М.А. Пересмотр судебных актов в порядке надзора и принцип правовой определенности // Тенденции развития гражданского процессуального права России: сб. науч. статей. СПб.; 2008. С. 300–319.

² Берестнев Ю.Ю., Виноградов М.В. Практика Европейского суда по правам человека: принцип правовой определенности или *quod licet jovi, non licet bovi*? // Российская юстиция. 2006. № 11. С. 66.

judicata» с принципом недопустимости повторного рассмотрения окончательно решенного дела³.

Что касается правоприменительной практики, то здесь под термином «res judicata» преимущественно понимается окончательный характер судебного акта, его неопровержимость и исполнимость.

В связи с принятием Федерального закона от 9 декабря 2010 г. «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» с 1 января 2012 г. была существенно изменена процедура обжалования судебных актов⁴. Одной из целей таких изменений выступила цель внешней унификации, а именно приведение гражданско-процессуального законодательства РФ в соответствие с международными принципами права, в частности с нормами Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950⁵.

Европейским судом по правам человека установлены неоднократные нарушения в России Европейской конвенции о защите прав человека, допущенные при отправлении правосудия и исполнении судебных актов, выражающиеся в отступлении от принципа правовой определенности при отмене или изменении судебных актов, вступивших в законную силу, неисполнении судебных решений. В связи с этим России было предложено согласовать внутреннее законодательство с положениями международных правовых актов в целях создания условий для надлежащего обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Необходимо отметить, что в соответствии с нормами международного права судебное решение, содержащее ошибку, не отвечает требованиям справедливости и не восстанавливает нарушенных прав и свобод. В частности, из положений ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод следует, что правосудие по своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и гарантирует эффективное восстановление в правах⁶.

В международном праве в настоящее время используется следующий подход к правовой определенности судебного решения. Так, согласно положениям ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод принцип правовой определенности гарантирует, что однажды вынесенное судебное решение не будет

³ Миннегалиева Л. Взгляд Европейского суда по правам человека на надзорное производство в России // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 2. С. 42.

⁴ О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс РФ: Федеральный закон от 9 декабря 2010 г. N 353-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6611.

⁵ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

⁶ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

оспорено и рассмотрено повторно. Объяснительная записка к Протоколу № 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод устанавливает, что «судебное решение является окончательным, если, по традиционному выражению, оно приобрело свойство «res judicata». В этом случае оно становится окончательным, что означает невозможность применения ординарных способов обжалования, если стороны уже воспользовались ими в течение установленного для этого срока».

Судебную практику ЕСПЧ по данному вопросу можно условно разделить на два блока.

Так, решения первой группы свидетельствуют о том, что ЕСПЧ по сути признает пересмотр судебного решения в порядке надзора в качестве средства правовой защиты.

Следует привести один из наиболее ярких примеров, а именно дело «Катаева и Катаев против России», где заявители не были надлежащим образом извещены о судебных заседаниях по их делу, что повлекло за собой их неявку в судебные заседания⁷. Европейский суд принял решение о неприемлемости жалобы, посчитав надзор эффективным средством защиты. В данном случае суд пришел к выводу, что решение, принятое в порядке надзора, в совокупности с последующими судебными разбирательствами может рассматриваться как достаточное устранение предполагаемых процессуальных нарушений в ходе первоначального судебного разбирательства, и не установил нарушения ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепляющей право на справедливое разбирательство дела судом, а также провозглашающей верховенство права.

Как видим, в некоторых постановлениях Европейский суд по правам человека признает, что пересмотр судебного решения в порядке надзора в российском судопроизводстве обеспечил защиту прав заявителя.

Однако по сравнению с первым блоком второй блок выглядит более внушительно. По существенному количеству дел Европейский суд по правам человека ссылается на недопустимость произвольной отмены окончательного и обязательного решения и считает, что сам факт применения процедуры пересмотра в порядке надзора и отмена вступивших в законную силу судебных решений являются не чем иным, как нарушением принципа правовой определенности судебного решения.

⁷ Eur. Court H. R. Kataeva and Katayev v. Russia. Judgment of 6 July 2004. Пер. на русский язык см.: Журн. рос. права. 2004. № 9. С. 108 - 112.

К такой позиции ЕСПЧ пришел еще до оценки процедуры надзорного производства применительно к российскому судопроизводству.

Так, в деле «Брумареску против Румынии» Европейский суд по правам человека впервые сформулировал свою правовую позицию по данному вопросу и указал, что «одним из основных аспектов верховенства права является принцип правовой определенности, который требует, чтобы при окончательном разрешении дела судами их постановления не вызывали сомнения». Европейский суд отметил, что, отменив судебное решение, вступившее в законную силу, «Верховный Суд полностью аннулировал судебный процесс, который окончился судебным решением... которое не подлежало отмене и которое, более того, было исполнено» и, таким образом, «нарушил принцип юридической определенности и право заявителя на справедливое судебное разбирательство».⁸

В более поздних своих решениях Европейский суд по правам человека подтвердил вышеизложенную правовую позицию и в Постановлении от 24 июля 2002 г. по делу «Совтрансавто Холдинг против Украины» указал, что «право на справедливое разбирательство по делу судом, гарантируемое п. 1 ст. 6 Конвенции, должно толковаться в свете преамбулы Конвенции, которая заявляет о верховенстве права как элементе общественного достояния Договаривающихся Сторон, а одним из основополагающих элементов принципа верховенства права является принцип обеспечения исполнения судебных решений, который устанавливает, что окончательное решение, вынесенное судом по любому спору, не может более быть пересмотрено».⁹

Применительно к проблеме российского надзорного производства аналогичная правовая позиция ЕСПЧ была сформулирована уже в первом деле по данному вопросу. Так, в деле «Рябых против России» ЕСПЧ указал: «правовая определенность предполагает уважение принципа недопустимости повторного рассмотрения однажды решенного дела. Данный принцип означает, что ни одна из сторон не может требовать пересмотра окончательного и вступившего в законную силу постановления только в целях проведения повторного слушания и получения нового постановления. Полномочие вышестоящего суда по пересмотру дела должно осуществляться в целях исправления судебных ошибок, неправильного отправления правосудия, а не пересмотра по существу. Пересмотр не может считаться скрытой формой обжалования, в то время как лишь

⁸ Eur. Court H. R. Brumarescu v. Romania, Judgment of 28 October 1999.

⁹ Eur. Court H. R. Sovtransavto Holding v. Ukraine, Judgment of 24 July 2002. Перевод на русский язык см.: Европейский суд по правам человека и Российская Федерация. Постановления и решения, вынесенные до 1 марта 2004 года. М.; 2005. С. 692–707.

возможное наличие двух точек зрения по одному вопросу не может являться основанием для пересмотра. Отступления от этого принципа оправданны, только когда являются обязательными в силу обстоятельств существенного и непреодолимого характера».¹⁰

По ряду аналогичных дел, например дела «Праведная против России», «Нелюбин против России» и др., ЕСПЧ подтверждает свою правовую позицию практически не отходя от ранее избранных формулировок¹¹.

Позднее по делу «Паролов против России», ЕСПЧ подчеркнул, что пересмотр вступивших в законную силу судебных решений возможен только в «исключительных обстоятельствах». Суд отметил: «Полномочия вышестоящих судебных инстанций отменить или изменить уже вступившее в законную силу судебное решение должны использоваться для исправления фундаментальных ошибок. Существование различных взглядов на предмет спора не является основанием для пересмотра дела. Отход от указанного принципа оправдывается, когда этого требуют обстоятельства существенного характера. Вступившее в законную силу судебное решение может быть отменено в исключительных обстоятельствах, каковыми не является необходимость получения другого решения по делу»¹².

Таким образом, подводя итог проведенному мною анализу решений ЕСПЧ, касающихся надзорного производства в России, можно сделать вывод о том, что отмена окончательного и обязательного решения, вступившего в законную силу и обладающего свойством «*res judicata*», противоречит принципу правовой определенности, который, в свою очередь, является одним из элементов верховенства права.

В связи со сложившейся ситуацией и нескончаемым потоком жалоб российских граждан в ЕСПЧ по данному вопросу Комитет министров Совета Европы 8 февраля 2006 г. принял Промежуточную резолюцию «Относительно нарушений принципа правовой определенности процедуры пересмотра в порядке надзора в гражданском судопроизводстве в Российской Федерации: принятые меры и нерешенные вопросы», в которой дал оценку различным аспектам института надзорного производства и указал на

¹⁰ Eur. Court H. R. Ryabikh v. Russia. Judgment of 23 July 2004. Перевод на русский язык см.: Журн. рос. права. 2004. № 5. С. 110 - 119.

¹¹ Eur. Court H. R. Pravednaya v. Russia. Judgment of 18 November 2004. Перевод на русский язык см.: Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2005. № 5. С. 47, 76 - 83.; Eur. Court H. R. Nelubin v. Russia. Judgment of 2 November 2006. Перевод на русский язык см.: Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2007. № 8. С. 47, 61 - 68.

¹² Eur. Court H. R. Parolov v. Russia. Judgment of 14 June 2007. Перевод на русский язык см.: Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2008. № 6. С. 79-88.

необходимость его реформирования в целях «обеспечения полного соблюдения принципа правовой определенности, установленного Конвенцией».

Конституционный Суд РФ воспринял позицию ЕСПЧ по рассматриваемому вопросу и включил в содержание принципа правовой определенности необходимость признания законной силы судебных решений, их неопровержимости и в качестве одного из средств обеспечения действия данного принципа указал на недопустимость затягивания или необоснованного возобновления судебного разбирательства¹³. Позднее Конституционный Суд РФ настоял на соблюдении судами общей юрисдикции принципа правовой определенности даже в отсутствие специального регулирования соответствующих вопросов гражданско-процессуальным законодательством¹⁴.

В практике Верховного Суда РФ принцип правовой определенности трактуется с учетом правовых позиций ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ.

Так, Пленум Верховного Суда РФ признал отсутствие у суда права на пересмотр вступившего в законную силу постановления только в целях проведения повторного слушания и получения нового судебного постановления¹⁵.

По ряду дел Верховный Суд РФ повторяет формулировки, используемые ЕСПЧ. (Определение ВС РФ от 2 марта 2012 г. № 18-В12-11, Определение ВС РФ от 20 января 2012 г. № 59-В11-17, Определение ВС РФ от 15 февраля 2011 г. № 5-В10-95.)

В большинстве таких дел суд ставит перед собой цель выявить наличие таких нарушений норм материального или процессуального права, которые позволяют отменить или изменить вступившие в

¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» // Российская газета. 2007. № 31 14 февр.

¹⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 11.11.2008 № 556-О-Р «О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года № 2-П по делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2008 № 245 28 нояб.

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.02.2008 № 2 «О применении норм гражданского процессуального законодательства в суде надзорной инстанции в связи с принятием и введением в действие Федерального закона от 4 декабря 2007 г. N 330-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2008 № 34 16 февр.

законную силу судебные постановления и нарушить принцип правовой определенности, отступить от него.

Здесь неизбежно встает вопрос о балансе и соотношении принципа справедливости и принципа правовой определенности. В каких случаях, при каких условиях и обстоятельствах чаша весов будет клониться в сторону одного из этих принципов, а не другого. Возможно ли вообще отступление от одного принципа в пользу другого. При наличии каких условий один из них будет доминировать.

На практике в ряде дел выбор осуществляется в пользу формального соблюдения принципа правовой определенности судебного решения. Есть случаи, когда суд, обнаружив судебную ошибку, не исправляет ее, мотивируя это правовыми позициями ЕСПЧ о правовой определенности.

Например, в Определении ВС РФ от 11.08.2009 № 18-В09-61 было установлено, что обжалуемыми судебными актами было нарушено право бессрочного пользования жилым помещением члена семьи предыдущего собственника жилого помещения, имевшего право на приватизацию жилого помещения, но отказавшегося от ее осуществления в пользу другого лица. В данном случае надзорная жалоба оставлена без удовлетворения по мотиву того, что принятое по делу судебное решение исполнено, отмена обжалуемого судебного постановления может привести к нарушению принципа правовой определенности. Такое определение фактически свидетельствует о том, что у национальных судов нет понимания положений Конвенции и Конституции, а также порядка их применения. Кроме того, это подтверждает и правильность точки зрения тех, кто считает что российский надзор нельзя отнести к эффективным средствам правовой защиты нарушенных прав и свобод и что надзору следует предпочесть обращение в ЕСПЧ. Что, в свою очередь, означает отсутствие доверия к суду и к государству в целом.

Представляется, что восстановление нарушенных прав и свобод, защищаемых Конвенцией и Конституцией, не может быть нарушением принципа правовой определенности, а наоборот, является реализацией принципа верховенства права. Еще в начале XX в. профессор Т.М. Яблочков обращал внимание на то, что «нарушение права, а вовсе не «правовая определенность» есть исходная историческая идея необходимости создания суда»¹⁶.

Верховенство права – принцип более емкий и универсальный, нежели принцип законности, его концепция вобрала в себя требования

¹⁶ Яблочков Т.М. Судебное решение и спорное право // «Недостаточное обоснование» требования (иска или возражения). Петроград, 1915. С. 36.

правосудия и справедливости¹⁷. Верховенство права не означает одну лишь формальную законность, но включает и справедливость, основанную на признании и полном принятии высшей ценности человеческой личности¹⁸. Понятие «верховенство права» весьма многомерно: оно охватывает качество закона, судебный контроль над органами власти, доступность правосудия, справедливое судебное разбирательство и другие элементы¹⁹.

Интересна позиция ЕСПЧ по данному вопросу. Так, в Постановлении по делу «Цехентнер против Австрии» (Zehentner v. Austria) от 16.07.2009 № 20082/02 ЕСПЧ установил нарушение требований ст. 8 Конвенции в связи с отсутствием процессуальных гарантий в исполнительном производстве в отношении недееспособного должника. ЕСПЧ отмечает: «Даже с учетом того, что такие сроки имели целью защиту правовой определенности, а также интересов добросовестных приобретателей, ЕСПЧ счел, что в случае участия недееспособных лиц требуется особое обоснование в связи с их уязвимым положением. Однако национальные суды не привели такого обоснования и не сопоставили интересы приобретателя с интересом заявительницы. Что касается вопроса о том, отвечает ли абсолютный срок общему интересу правовой определенности, ЕСПЧ напоминает, что этот принцип не был бы нарушен при обстоятельствах существенного и непреодолимого характера. Соответственно ни одна из законных целей, на которые ссылались власти государства-ответчика, не могла перевесить того факта, что заявительница была лишена жилища в отсутствие возможности эффективного участия в разбирательстве и в отсутствие пропорциональности мер, принятых судом».

Как отметил Т.М. Яблочков, «Устранение «правовой неопределенности» есть лишь средство восстановления нарушенного права, а отнюдь не ближайшая цель процесса»²⁰. Значит, и эффективность судебной системы определяется через способность

¹⁷ Лукаидес Л.Г. Принцип верховенства права и права человека. С особым учетом прецедентной практики Европейского суда по правам человека // Права человека. Практика Европейского суда по правам человека. 2006. № 4. С. 42.

¹⁸ П. 2 Преамбулы Документа Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (Подписан в г. Копенгагене 29.06.1990) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Напр.: Афанасьев С.Ф. Принцип верховенства права и его влияние на гражданское судопроизводство // Свобода. Право. Рынок: Материалы Международ. науч.-практ. конф., Волгоград-Волжский, 18 - 19 июля 2008 г. Волгоград; 2008. С. 32; Нешатаева Т.Н. «Право на суд» в решениях Европейского суда по правам человека и арбитражных судов РФ // Вестник Высшего арбитражного суда РФ. 2006. № 2. С. 125–132.

²⁰ Яблочков Т.М. Судебное решение и спорное право // «Недостаточное обоснование» требования (иска или возражения). Петроград, 1915. С. 37.

восстанавливать справедливость, а не через количество рассмотренных судом дел.

Суть соотношения справедливости и правовой определенности выразил еще И.А. Покровский, который отметил, что «крупнейшая проблема» правосудия заключается в том, должен ли суд во всех случаях ограничиваться ролью применителя закона или же разрешать дело на основе убеждений о справедливом и должном. «Закон, – пишет ученый, – как и всякое дело рук человеческих, часто страдает пороками мысли или пороками редакции»²¹.

Таким образом, в данной интерпретации правовая определенность как требование к стабильности судебного решения может вступать в противоречие с принципом справедливости.

Список литературы

1. Афанасьев С.Ф. Принцип верховенства права и его влияние на гражданское судопроизводство // Свобода. Право. Рынок: Материалы Международ. науч.-практ. конф., Волгоград-Волжский, 18–19 июля 2008 г. Волгоград; 2008.
2. Берестнев Ю.Ю., Виноградов М.В. Практика Европейского суда по правам человека: принцип правовой определенности или *quod licet jovi, non licet bovi*? // Российская юстиция. 2006. № 11. С. 66
3. Лукаидес Л.Г. Принцип верховенства права и права человека. С особым учетом прецедентной практики Европейского суда по правам человека // Права человека. Практика Европейского суда по правам человека. 2006. № 4. С. 42
4. Миннегалиева Л. Взгляд Европейского суда по правам человека на надзорное производство в России // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 2. С. 42
5. Нешатаева Т.Н. «Право на суд» в решениях Европейского суда по правам человека и арбитражных судов РФ // Вестник Высшего арбитражного суда РФ. 2006. № 2.
6. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.; Статут, 2001.
7. Филатова М.А. Пересмотр судебных актов в порядке надзора и принцип правовой определенности // Тенденции развития гражданского процессуального права России: сб. науч. статей. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2008. С. 300–319
8. Яблочков Т.М. Судебное решение и спорное право // «Недостаточное обоснование» требования (иска или возражения). Петроград, 1915.

²¹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.; 2001. С. 94.

LEGAL CERTAINTY OF THE JUDGEMENT

D.A. Alexandrova

Tver State University

The aim of this article is determination the nature of the legal certainty of the judgment in connection with the reform of civil procedural legislation. To achieve this goal the author analyzes various theoretic positions on this question and practice of the courts.

Keywords: *legal certainty of the judgment, supremacy of law, the validity of the judgment.*

Об авторе:

АЛЕКСАНДРОВА Дарья Александровна – студентка III курса юридического факультета Тверского государственного университета, e-mail: dafnochka@mail.ru; 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.